

Кирилл КОЗЛОВ

«ДАВАЙ С ТОБОЙ УЕДЕМ В ДРЕВНИЙ ОВСТУГ...»

Андрей Шацков. Лебеди Тютчева (Триптих). – СПб.: Любавич, 2020.

Весной 2020 года в Санкт-Петербурге вышел в свет небольшой сборник поэта Андрея Шацкого, получивший название «Лебеди Тютчева». Жанровые особенности таковы, что речь идет не о цикле стихов (15–20 произведений), не о крупной поэме, а лишь о триптихе – нам предложены три стихотворения, посвященные Федору Ивановичу Тютчеву...

Сразу возникает вопрос: стоит ли выпускать такие «книжки-малышки» поэту, который уже осилил собственное «Избранное» и является главным редактором всерос-

Кирилл Сергеевич Козлов родился в 1984 году в Ленинграде. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПбГУКИ) по специальности «Искусствоведение». Публиковался в журналах: «День поэзии-XXI век», «Юность», «Второй Петербург», «Невский альманах», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная» (Минск) и других. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

сийского альманаха «День поэзии-XXI век»? Нет ли здесь противоречия? Ведь это совершенно не похоже на Шацкова — быстро что-то состряпать и, подобно сетевым пользователям, без раздумий выложить на всеобщее обозрение, ожидая появления отметок «понравилось» (лайков) и восторженных комментариев. Поэт просто поторопился, или он осознанно пробует новый для себя формат «карманных» сборников, весьма удобных в дальнейшем распространении?

Решение связано с неоднократными посещениями родового имени Тютчева Овстуг — надо полагать, именно туда сборник отправится в первую очередь, там будет наиболее уместен и востребован. Для Андрея Шацкова Тютчев — давний вдохновитель, важнейшее звено великодержавной идеи, служение которой продолжается на протяжении всей жизни и никакому пересмотру не подлежит. Отпустить эту тему означает перечеркнуть все созданное ранее, поэтому Андрей Владиславович продолжает, выбрав для нового этапа своих размышлений древнюю Брянщину...

Общепринято видеть Тютчева смятенным, вечно искавшим нечто ему самому неизвестное, легко очаровывавшим женщин и столь же мгновенно погружавшимся в неизбывную печаль. Федор Иванович, который, как мы помним, профессиональным литератором себя не считал, опирался на пушкинское наследие, проводив великого поэта: *«Назло людскому суетловью / Велик и свят был жребий твой!»* Тютчев вписывался в петербургскую действительность — с виду легок и весел, мог произвести благоприятное впечатление в свете, но при этом постоянно удручен думами. А вторая супруга поэта Эрнестина Федоровна тяготела к Овстугу, что документально отражено не единожды. Вот цитата из ее письма 1852 года, адресованного П. А. Вяземскому: *«Я люблю русскую деревню; эти обширные равнины, вздувающиеся точно морские волны, это беспредельное пространство, которое невозможно охватить взглядом, — все это исполнено величия и бесконечной печали. Мой муж погружается здесь в тоску, я же в этой глуши чувствую себя спокойно и безмятежно... Я охотно провела бы зиму в деревне...»* Вместе с тем именно Санкт-Петербург, «великолепный и холодный», жизненно необходим всякому значительному поэту — Тютчеву необходимо было здесь оказаться...

Андрей Шацков, как бы это пафосно ни звучало, с молодых лет мечтал оказаться в едином строю с предками — об этом писал когда-то его наставник, поэт Валентин Берестов.

Первая часть триптиха отсылает нас к временам татаро-монгольского ига. Мы узнаем о легендарном родоначальнике Тютчевых, доверенном лице Дмитрия Донского — Захарии, проявившем находчивость и дипломатические способности, внесшем свою лепту в победу на Куликовом поле.

Здесь Шацков попутно делает несколько исторических открытий, которые невозможно себе даже представить, не перевернув груды тематической литературы в Российской государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

Вторая часть произведения написана после празднования 215-летия со дня рождения Тютчева в Овстуге. В ней появляются настоящие лебеди, обитающие неподалеку от усадьбы, по преданию — потомки тех самых тютчевских лебедей из черного пруда (*«Их выводок плещет в заветном пруду...»*), а также сохраненные для истории как геральдический символ (*«Но гордо в щите родового герба / Распластаны лебеда белые крылья»*).

Наконец, третья часть триптиха посвящена самому Овстугу — сакральному месту отечественной поэзии, где *«церковь шином разгоняет тучи, / И псы хвостом виляют у ворот. / И Федор Иоаннович — Федор Тютчев / Гостей встречает вполуборот...»*

Нет смысла долго и пространно говорить о поэзии, поскольку она должна звучать сама, а наилучшее наше действие, вероятно, сводится к известному тезису из стихотво-

рения «Silentium»: «*Внимай их пенью — и молчи!*» Напоследок скажу, что «сверхштатный чиновник», бывший референт министра культуры Андрей Шацков сделал очень важное дело — перекинул мостик из Санкт-Петербурга в Овстуг, пригласив нас в гости к «сверхштатному чиновнику», секретарю русской дипломатической миссии Федору Тютчеву. Невесомая и неошутимая в пафосных мегаполисных громадах, книжка «Лебеди Тютчева» имеет существенное значение, ибо это значение самой жизни, одухотворенной поэзией...